

Н. А. Рогачева, Е. Н. Эртнер

**МИФОПОЭТИКА УРАЛА И СИБИРИ
В РОМАНЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «БЕЗ НАЗВАНИЯ»**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-129-136

УДК 82.09(470.5)

ББК 83.3(235.55)

Поэтика романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» (1894) рассматривается в фольклорно-мифологическом, философском, историко-литературном и социокультурном контекстах. Основным предметом исследования послужила мифопоэтическая структура урало-сибирского локуса в соотношении с устоявшимися мифами о Сибири в произведениях русских писателей и публицистов XIX в. В работе установлен диалогический характер повествовательной структуры романа, посвященного проблемам выбора исторического пути России и национального самоопределения. Образ Урала и Сибири служит символическим воплощением концепции нового человека, который формируется на границе своего и чужого мира, в скрещивании традиционной русской культуры и цивилизационных процессов конца XIX в. (развития науки, техники, капитализации социальной жизни). Мамин выступает как создатель новой жанровой разновидности романа, где переосмыслены сюжетные структуры утопии, фантастики, путешествия, социально-психологического романа. Мотивы христианской и языческой мифологии присутствуют в художественном описании персонажей и сибирской природы, в развитии ключевых тем романа: «расширения» России на восток, стихийной народной колонизации Сибири, ее промышленного и онтологического освоения, конфликта геополитики Америки и Сибири; семьи, жизни и смерти в экзистенциальном переживании героя. В романе «Без названия» представлен процесс мифологизации (миф), демифологизации (разрушения мифа) и ремифологизации (творения мифа) «мыслимой» и «мыслящей» территории края, создается новый авторский миф о Сибири как России будущего.

Ключевые слова: *Д. Н. Мамин-Сибиряк, геополитика, виртуальный ландшафт, миф о Сибири, онтология освоения*

Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» (1894) до сих пор остается одним из самых загадочных и во многом недооцененных произведений писателя. Неслучайно И. А. Дергачев считал его вершиной творчества художника, подчеркивая, что в нем «открывались новые грани таланта» автора, «выразились новые тенденции в развитии жанра»,¹ как никогда проявилась «включенность» Мамина «в диалог современников о <...> национальном развитии».²

В критике рубежа XIX–XX вв. и более поздней, в литературоведческих работах произведение чаще всего рассматривалось в аспектах идейно-политической проблематики,³ особен-

ностей положительного героя времени,⁴ жанровой поэтики социального романа, структуры «романа об интеллигенции».⁵ Отмечались и «некоторые недостатки»: «бесконфликтность»,⁶ «излишняя публицистичность», «притчевый характер», представление героев «как иллюстраций идей»⁷ и т. д. Тем не менее И. А. Дергачев задается вопросом: «...какие чувства и ценностные представления... произведение может вызвать сегодня?»⁸ В замечании исследователя угадывается обоснование иного подхода к роману Мамина, «крупного художника» и «умного таланта», «чуткого выразителя времени».⁹ То, что современники считали признаком эклектичности, в исторической перспективе можно оценить как новую форму романного жанра, сочетающего документализм

¹ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск, 2005. С. 244.

² Там же. С. 260.

³ См.: Аничков Е. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк. (Критические очерки) // Мир Божий. 1905. № 10. С. 229; Николаев П. Ф.

Рогачева Наталья Александровна — д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: n.a.rogacheva@utmn.ru

Эртнер Елена Николаевна — д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: e.n.ertner@utmn.ru

Вопросы жизни в современной литературе. М., 1902. С. 57, 58; Пруцков Н. И. Русская литература XIX века и революционная Россия. М., 1979. С. 78.

⁴ См.: Якимова Л. П. Архетипические черты «особенного человека» в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 16–22.

⁵ Она же. Роман «Без названия» // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. М., 2020. Кн. 2. С. 1158–1161.

⁶ Груздев А. И. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк. М., 1958. С. 146.

⁷ Подробнее см.: Дергачев И. А. Указ. соч. С. 244–261.

⁸ Там же. С. 260.

⁹ Там же. С. 278.

и мифологичность, натурализм и утопию, травелог и интеллектуальный роман.

Мы рассматриваем мифопоэтику романа «Без названия» в свете основной функции мифа — «дать логическую модель для разрешения некоего противоречия».¹⁰ Мифопоэтика Сибири реализуется в сюжетных линиях романа, соотносимых с вариантами мифа, его «слоями» (по Леви-Строссу). Каждый слой высвечивает медиальный характер сибирского локуса, позволяющий заместить жесткое логическое противоречие его более мягким вариантом и, что называется, отодвинуть решение в неопределенное будущее. Д. Н. Мамин-Сибиряк прибегает к фольклорно-мифологическим сюжетным структурам и образам в том случае, когда открывает в реально-исторических конфликтах их онтологическое основание. Миф (языческий или христианский) выступает аргументом в споре о проблемах, которые писатель считает для России судьбоносными.¹¹

К таким конфликтам относится русское освоение Урала и Сибири в историческом и в географическом планах. Исходным компонентом космогонического (землеустроительного) сюжета романа служит акцент на гетерогенности сибирского пространства. В характеристике урало-сибирского ландшафта многократно отмечается его избыточность и сочетание противоположностей: «Правый берег речной долины поднимался увалом, а сама Кулижка совершенно спряталась в болоте» (365);¹² «великолепный степной чернозем» обещает и легкое богатство, и неудачу: «...место степное, открытое, и весь снег сдуло» (420). Столь же постоянными признаками являются иррациональная красота и неявная целесообразность: «Время от времени со стороны степи доносился какой-то неясный шепот и сейчас же затихал, точно кто-то хотел сказать какую-то великую тайну, начинал и останавливался на полуслове. Озеро покрылось туманом; окаймлявшие берега камыши походили на зеленую

бархатную оправу, в которой глухо замирал степной шепот, точно он прятался в этой живой зеленой стене» (391, 392). При этом красота и безобразие не образуют видимой антитезы: безобразное показано как условие красоты и упорядоченности, их глубинная мотивировка. Земля вызывает страх и восхищение, она в равной мере губительна и благодатна, отношения с ней не имеют четкой перспективы и «центра».¹³

Сюжет начинается и завершается не в Сибири, а в Москве, в то время как «сибирский» город Екатеринбург описывается фрагментарно, причем в описании высвечиваются временные и пространственные противоречия. С одной стороны, город уже стал «музеем истории» «бурной эпохи, ...когда в Екатеринбург хлынула волна таежного сибирского золота» (332). Мифологию «золотого века» Урала представляет символика Харитоновского дома. Взгляду наблюдателя, мчащегося на «сумасшедшем извозчике» вверх по улице, открывается вертикальная перспектива, вид на сказочный прекрасный замок — «палаццо», «настоящий дворец с громадным садом» (332). Дом в таком ракурсе призван потрясти и удивить зрителя, передать величие архитектуры здания, подчеркнуть уникальность города на горе и усадьбы — «горного гнезда». С другой стороны, Мамин привносит в символику дома мотив текучести: огромная «волна» золота вознесла его на «Камень», но она же превратила Екатеринбург в «бойкий» провинциальный городок, где «золотая» слава уже в прошлом, а перспективы туманны.

Поэтика сибирского пространства строится в романе на тех же основаниях, что и образ Екатеринбурга. Пространство сибирской «артели» рассредоточено по обширной территории и также практически не имеет единого центра: не зависят друг от друга прииск, ферма и озеро — место будущего рыбного завода. Подобная децентрация обусловлена как художественным замыслом автора — найти неиерархические формы организации разных социально-экономических типов хозяйствования, так и историко-философской концепцией произведения — показать Россию в бесконечном многообразии, которое невозможно унифицировать.

Сибирь в творчестве Мамина представляет собой особый локус — это стык, фронтир,

¹⁰ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 241.

¹¹ Об историко-философских основах творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка см.: Приказчикова Е. Е. Философский контекст и мифологическая символика «Восточных легенд» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 66–86; Соболева Л. С. Природные стихии в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 52–70; Эртнер Е. Н. Философские истоки концепции «общего дела» в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» // Русская литература и философская мысль XIX–XX вв. Тюмень, 1993. С. 77–87.

¹² Здесь и далее текст романа «Без названия» цитируется по изданию: Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1981. Т. 5. С указанием страниц в основном тексте работы.

¹³ См.: Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 229.

место, имеющее реальные географические константы, документальную геологическую морфологию и в то же время воссоздаваемое воображением писателя (мыслимый ландшафт), своего рода мифопоэтическая география. Сибирь, по Мамину, включает в себя «восточный склон Урала», «сибирскую равнину» и башкирскую степь, что порождает сложный имагологический синтез исторически и географически различных территорий: «Главный массив Уральского хребта уходил все больше и больше вправо, а впереди все ровнее и ровнее растянулась начинавшаяся сибирская равнина. Собственно, это было уже начало благословенной Башкирии» (351). Автор синтезирует мифопоэтику горных недр,¹⁴ подземного царства (драгоценные камни, золото, олово и т. д.) с мифологией поля, луга, жизни на земле (хлебопашество, огородничество и т. д.), актуализирует конфликт горного и равнинного ландшафтов: «На восточном склоне Урал почти на всем протяжении образует крутой обрыв, чем и объясняется его особенная рудоносность... Замечательно, что сейчас же от обрыва начинается равнина, страшная по величине Сибирская равнина, которая тянется вплоть до Великого океана» (436). Контаминация черт урало-сибирской земли («быстрая сибирская езда» Екатеринбург; «кондовый сибиряк: прапрадеды еще пришли на Урал» (305), растущие на Урале «сибирские кедры» (318, 319) и др.) приводит к размыванию географических и административных границ внутри локуса, представляет его как продолжение России и одновременно ее альтернативу.

Неопределенность смысла «новой земли» проявлена в системе ее номинаций — имен собственных и перифраз: «Урал», «Зауралье», «Западная Сибирь», «Сибирь», «за Камнем» «по ту сторону Урала», «почти Сибирь», «настоящая Сибирь», край, «задолго предупредивший калифорнийское золото», «Урал — роковой порог», «Урал — Змей Горыныч», «благословенный уральский край», сибирская равнина, на которой «природа обмякает». Как видно, здесь объединены исторические и современные топонимы, научные и фольклорные наименования мест, термины и эмоционально-описательные конструкции. Так создается

образ исторически и пространственно неопределенной территории.

Важно, что урало-сибирский локус, обладая замкнутостью, принципиально отличен от утопического и фантастического пространства. В противоположность «таинственному острову» или мифическому Беловодью место, где разворачивается действие романа, густо заселено, заполнено стихийными потоками людей, бредущих без цели либо случайно сцепленных с землей. Человек привносит в новое пространство свое прошлое, свой исторический опыт, который скрещивается с опытом степных народов. Антропогенный ландшафт, как и природный, совмещает безобразие и красоту: «изрытая» и «исковерканная» земля соседствует с рукотворными садами. Гетерогенность распространяется на все социальное пространство Сибири: здесь соприкасаются, практически не влияя друг на друга, традиционный русский быт, башкирское кочевье, купеческое стяжательство «по специально-сибирской логике», старообрядческая уединенная культура и чиновничье сутяжничество. Это качество мотивируется процессом освоения края, авторским мифом Мамина о стихийной колонизации Сибири, «народной живой дороге» России: «Сколько было затрачено неустанной энергии русским народом, чтобы совершить этот путь... это было стихийное движение славянского племени на далекий восток, как стихийно движется вода в громадных северных реках» (312). Кочующую Россию в романе Мамина представляют «купцы-промышленники, напоминающие свой прототип — новгородских гостей, ...сохраняющие в выговоре новгородское горластое “о”, обошедшее всю Сибирь» (306); «откатывающиеся все дальше на восток» раскольники, «казанский торгующий татарин», «мужики Вятской губернии», «настоящий бродячий пролетариат» или «родовое московское дворянство» и многие другие.

В отличие от покорения Америки, народная колонизация Сибири видится писателю «расширением» России. Так, Сибирь из страны ссылки и каторги, государственного проекта, превращается в народный «проект» «целой армии» (315) россиян, заселяющих новые земли. Герой Мамина осуществляет экспериментальный опыт артельного освоения Сибири, в котором соединяются «простор личной инициативы» и коллективный труд. По замыслу Окоемова, «сибирская практика» может оказаться востребованной всей страной: от Кавказа

¹⁴ Так, В. В. Абашев в качестве ключевого «мифа» уральского текста Д. Н. Мамина рассматривает теллурический (от лат. *Tellus* — земля) код. См.: Абашев В. В. Д. Н. Мамина-Сибиряк: у истоков геопоэтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 51–59.

и Волги — до Башкирии и Дальнего Востока, и при этом каждая территория «выработает свой особый тип» освоения (495).

Таким образом, писатель создает индивидуально-авторскую мифопоэтику места, считая Сибирь Россией будущего. Сибирь Мамина — уникальное пространство, заповедный край, символизирующий особые отношения человека и территории, земля, порождающая собственный тип человека, определяющая «его боевую закуску» и — одновременно — «неизлечимую поврежденность» сознания: «...только привольный край мог создать такое население» (325); «за Камнем народ, как вода в котле кипит» (320). Сибирь представляет «новое государство» России: «...приедешь в Рассею, точно другое государство... совсем другая музыка, чем у нас» (305), «и земля не та и люди не те». И в то же время сибиряк воплотил коренные черты русского национального типа: прожектерство, фатальное одиночество, тоску по несбывшемуся и героическую устремленность к невозможному.

Конфликт Востока и Запада, который невозможно разрешить в реальной истории, проецируется на природу главного героя романа, его генетический код. Окоемов несет не только русский национальной архетип,¹⁵ но и наследие татарской степи: «Окоемовы не чистой русской крови... Наш род тоже идет от каких-то татарских наездников. Честь не особенно большая...» (490). Сибирь в крови героя присутствует еще до того, как появляется в его реальном «предприятии». Как видно, географическое пространство коррелирует с ландшафтом души центральных персонажей романа, русский мир Сибири совмещает в себе те же разнонаправленные устремления, которые определяют судьбу «артельщиков».

Мамин подвергает критическому переосмыслению традиционный для русской литературы XIX в. сюжет путешествия в Сибирь в поисках «страны обетованной». Будущие «концессионеры» нигде в ином месте не находят себе применения. Писатель апеллирует к теме «лишнего» человека, многократно отмечая, что «артель» составляется из «ненужных» людей. На первый взгляд, данное утверждение не относится к Окоемому — вполне успешному московскому промышленнику. Но именно в его образе общая тема получает экзистенциальное освещение: Окоемов уезжает в Сибирь, чтобы отсрочить смерть, и возвращается в Мо-

скову, чтобы умереть. За границами повествования остается сообщение о вероятном «триумфе» пятилетнего сибирского эксперимента, отложенном на целое поколение.

В данной перспективе урало-сибирское пространство выступает альтернативой литературному и публицистическому образу Сибири как новой Америки, ставшему «общим местом» в рассуждениях о сибирской колонизации. Главный герой романа представляет собой одну из вариаций литературного типа «русских американцев». Очевидно, что Мамин создавал образ Окомова в противовес персонажам романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: Шатов и Кириллов едут в Америку, чтобы «в полной мере испытать на своей шкуре ужасы капиталистической эксплуатации».¹⁶ Герой Мамина усваивает поведение, ценностные установки и язык капиталистической Америки, так что является на дальний запад, в Калифорнию, «почти своим» (254).

Американский сюжет позволяет столкнуть переживание «своей» и «чужой» земли, а также своей как чужой и чужой как своей. Писателя привлекает сознание героя как «перекресток» восприятия территорий. Воплощение американской мечты оборачивается поисками «своей» земли для русского скитальца: «Когда Окоемов совсем устроился, его в первый раз охватила тоска по родине — это была дань прошлому, своей национальности... его тянуло туда, на простор бедной русской равнины, под серенькое русское небо, к своим ненужным русским людям... А тоска по родине все сосала и сосала, как вода подмывает крутой берег. В одно прекрасное утро Окоемов навсегда простился с Америкой и отправился домой, как человек, закончивший курс в очень строгом и ответственном учебном заведении» (254).

«Колумбов сюжет»¹⁷ в романе Мамина во многом определяет мифопоэтику освоения Сибири и одновременно служит территориальной метафорой открытия героем новых областей собственного сознания. Америка для Окомова — это путь спасения от самоубийства, то мифическое пространство,¹⁸ где

¹⁶ Кибальник С. А. Метафора свободы или аллегория самоубийства? «Америка» в художественном мире Достоевского // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 15.

¹⁷ Янушкевич А. С. Колумб, Франклин и американская демократия в пространстве русской культуры // Американские исследования в Сибири: материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт». Томск, 2001. Вып. 5. С. 179–193.

¹⁸ Об Америке как метафоре самоубийства см.: Кибальник С. А. Указ. соч. С. 16 и далее.

¹⁵ См.: Якимова Л. П. Архетипические черты...

смерти нет. В сознании героя сходятся миф о «несметных сокровищах Урала»¹⁹ («на всем земном шаре нет другого такого места, которое на сравнительно небольшом пространстве сосредоточило бы такое неистощимое разнообразие всевозможных богатств») и «американская точка зрения» на русского человека как на «огромный капитал», «который пропал в форме непутных людей, не знавших, куда деваться» (256). Как представляется, писатель впервые вводит в русскую литературу понятие «человеческий капитал», который можно применить «с наибольшей производительностью» именно в Сибири.

Мифопоэтика «Колумбова сюжета» в романе «Без названия» опирается на национальную поэтическую традицию, где сходятся мотивы героического подвига «Колумбов российских» (М. В. Ломоносов) и мотивы поиска счастливых земель. И если, как пишет Н. М. Карамзин, «смельчак, Америку открывший, / Пути ко счастью не открыл»,²⁰ то «новый Колумб» Урала и Сибири — Окоёмов — находит путь к счастью для всех. Герой Мамина, у которого «Америка в голове сидит», создает свое «направление деятельности», новый тип заселения Урала и Сибири. Итогом развития «живого дела» на сибирской земле явится «воскрешение» к новой жизни участников эксперимента,²¹ обретение ими новой родины и возвращение к своим восточным корням.

Герой романа становится «голосом» места, его творцом, в те моменты, когда «грезит наяву» (505). При этом позиция «грезящего» уникальна: его сны, видения чудес или грезы открывают воображаемое, интуитивно создаваемое пространство-грезу — Сибирь. В художественном мире Мамина это грезы на стыке фактуального и фикционального. «Сон наяву», «чудеса наяву» воплощают пространство сознательного и бессознательного, одновременно мысль и пророчество героя, открывшееся видение: «...сон наяву... Поезд продолжал мчаться по золотоносной почве и даже балласт

железнодорожного полотна был устроен из золотоносных песков... Это и не здесь только, а по всему восточному склону Урала, который в буквальном смысле слова насыщен золотом... И это на расстоянии целой тысячи верст» (320). Метафорическая картина золотого Урала, возникающая в воображении персонажа, вызывает к жизни и «заветные планы» создателя, исполнение которых впоследствии для многих окажется «живым примером»: «Именно здесь можно было лучше всего приложить свои силы и добиться известных результатов» (320). Отнюдь не сказочный герой оказывается в пространстве уральской сказки. И сам Урал в его восприятии предстает как «что-то невероятное, как сон», своего рода «калифорнийское чудо».

Проблема истончения национальной воли (одинокость, «роковое» неумение «пользоваться окружающими богатствами», тоска по невозможному) решается Маминым в контексте современной ему философии. Трудно сказать, был ли писатель знаком с «философией общего дела» Н. Федорова,²² но все же заметим, что ключевой проблемой романа является вопрос о преодолении смертности — как отдельного человека, так и всего человечества. Единственным путем ее решения, по мысли Мамина, может стать цель, связывающая разрозненные устремления «ученых» и «неученых» людей в единый «путь». Эта цель принимает пространственную форму Новой земли, освоение которой возможно лишь через духовно-телесное сращение человека и места.

В данном контексте любовный и семейный сюжет романа имеет принципиальное значение. Через него решается один из важнейших вопросов произведения — преодоление инстинкта половой любви как воли к продолжению рода. Напомним, что брачные отношения являются обязательным аспектом утопического повествования, поскольку в них очевиднее всего обнаруживает себя вопрос о неравенстве — невозможности управлять половыми инстинктами, а значит, и «композицией следующего поколения» (А. Шопенгауэр). Любовная интрига романа завязывается в волшебном-сказочном ключе: в повествовании присутствуют все основные элементы нарратива о поисках пропавшей невесты — похищение, путь в чужой мир, борьба с «вредителем», которым зачастую оказывается

¹⁹ О мифологии кладов Урала в интерпретации Д. Н. Мамина-Сибиряка см.: Созина Е. К. Степные клады Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 213–229.

²⁰ Карамзин Н. М. Избранные произведения: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 41, 42.

²¹ О трансформации мифологической топике Сибири как места потенциального «воскрешения из мертвых» в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка см.: Зырянов О. В. Сюжет нравственного преображения в повестях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 108–112.

²² См.: Эртнер Е. Н. Указ. соч. С. 77–87.

кровный родственник «царевны», бегство из чужого мира. Одним из побудительных мотивов сибирского путешествия Окомова служит поиск девушки, которую родные прячут в старообрядческих скитах: «Я знаю, что вы останетесь здесь, на Урале, и, вероятно, вас спрячут куда-нибудь подальше...» (348). В соответствии с логикой сказочного повествования, героиня убегает от родных, чтобы стать женой и матерью в новом для нее мире. Однако кульминация сюжета намеренно размыва: о свадьбе читатель узнает вскользь и лишь в связи с сообщением о будущем ребенке. За границами основного действия происходят и свадьбы других героев. Конфликт своего и чужого разрешается в романе религиозным, национальным и социальным согласием.

Заметим, что в женских портретах практически нет эротического акцента, напротив, подчеркиваются статуарность, признаки ранней старости либо отпечаток страданий. Думается, что Мамин сознательно отмечает не сексуальную притягательность женщин, а душевное родство героев либо (и одновременно) их этническую, социальную и культурную противоположность: таково «двойное чувство» Окомова к Настасье Яковлевне — как к «родной сестре» и «любимой девушке» (386). Сергей, потомок старинного русского дворянского рода, выбирает в жены «татарскую княжну». Эти наблюдения позволяют думать, что одним из источников развертывания любовных мотивов в романе послужила метафизика любви А. Шопенгауэра, возможно, в интерпретации русского философа Н. Федорова. Любовный сюжет направлен на решение вопроса о смертности человека, замкнутости жизни биологическими и историческими границами. Цель семейных союзов — конструирование будущего, своего рода проект, родственный промышленным и научным проектам Окомова.²³

Главный герой романа получает драматический опыт освоения земель Сибири и обретает новое чувство родины и новое ощущение исторической перспективы. Измученный неизлечимой болезнью, Окомов погружается в пространство грез: «И в этих грезах он никогда не был больным, а, напротив таким цветущим, молодым, сильным. Он еще раз пу-

тешествовал, только теперь путешествовал по своей родине... и опять работал, счастливый, сильный, любящий. Главное — любящий...» (505).

Символическим эквивалентом мечты Окомова становится отрывок из «Фауста» Гете в переводе А. Фета:

Болото тянется к горам
И заражает все, что мы добыли;
Спустить бы только грязь гнилую нам —
Вот этим бы мы подвиг завершили.
Мы б дали место многим миллионам
Зажить трудом, хоть плохо огражденным! ...
Стадам и людям по зеленым нивам
На целине придется жить счастливым,
Сейчас пойдет селиться по холмам,
Что трудовой народ насыплет сам.
Среди страны здесь будет светлый рай...
(280).

Вслед за Фаустом герой Мамин представляет воображаемую картину земного «рая среди страны», воплощение которого позволило бы ему познать наивысшее счастье и воскликнуть:

При виде этой суеты,
Сбылись бы все мои мечты...
И не исчезнут без значенья
Земные все мои следы.
Тогда б я мог сказать мгновенью:
«Остановись! Прекрасно ты!» (280).

В художественном мире романа «Без названия» фаустовский миф о «прекрасном мгновении» разворачивается в сюжет освоения новой земли, открывая значение судьбы Сибири в истории России. Фантастическая картина обретает географическую и топографическую определенность, ландшафтная метафора «буквализируется»: «болото, тянущееся к горам», можно «осушить», превратив его в «зеленые нивы». Отсылка к мифологическому сюжету раскрывается в «слове» Окомова, размышляющего о цели своего замысла и его достижении: «Благословенная хорошая работа, потому что она окрылена сознанием общего дела, сознанием того, что тысячи, десятки тысяч работников идут дружно к ней, а между тем они, может быть, никогда не увидят друг друга» (281). В финале романа мечта об освоении сибирской земли, осушении «болот» получит некоторое реальное воплощение, «земной след» поселенца: «Год назад здесь было болото, а сейчас вырос целый городок» (445). Глядя на него, Окомов отметит: «...сделан первый шаг» (461).

²³ Ср., напр., опыты «писцекультуры» (искусственного разведения рыбы) (423) и внимательное наблюдение героев за рождением новой жизни в непривычной среде: «Процесс совершался на глазах, и можно было шаг за шагом проследить его последовательные стадии...» (478).

Но метафорический смысл образа также сохранен: мысль о бездонности болота, о бесконечном «тлении жизни» (Г. П. Федотов) присутствует в описании мелких происшествий, «раскола», столкновения интересов и страхов «колонистов», в детализации физического состояния главного героя, в рассказе о его нескончаемых спорах с матерью. Бесконечное брожение русской души, ее «неизлечимая поврежденность» мечтой, которая роднит Окоемова и с сумасшедшим изобретателем Потемкиным, и с «зараженным до мозга костей разными проектами» Утлых, составляют индизонказательный план символики «болота». Конфликт твердой почвы, осуществимого «дела» и неопределенности цели, ее недостижимости так и не разрешен в условно реальном мире романа с символическим заглавием — «Без названия».

Формой замещения, «смягчения», но не отмены конфликта служит обращение к библейской мифологии. По просьбе умирающего героя ребенок читает Библию там, «где раскрывается». Последнее, что слышит Окоемов, является началом притчи о разрушении храма: «...и пришел Самсон в стан филистимский...» (506). Слепленный Самсон низвергает статуи Дагона и Астраты, особо почитаемые филистимлянами: «Пусть погибну я вместе с филистимлянами». Храм пал благодаря молитве и жертве пророка. Мамин цитирует только строку притчи о входе Самсона во вражеский стан. Таким образом, сюжет о Сибири лишается явной утопичности: человек не в силах пересоздать территорию и собственную природу, кардинально изменить край, явить миру

«сибирское чудо». Новый смысл получает афоризм: «Сибирь — вся в будущем». То, что делают персонажи, лишь преддверие настоящего «царства», предчувствие «своей» земли, начало движения к ней.

Мифопоэтический образ Урала и Сибири служит в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» пространственным эквивалентом тех историко-социальных и философско-психологических конфликтов, которые, по мысли писателя, не имеют логического решения. К ним относятся дихотомия Востока и Запада, сложно переплетенных в судьбе и в крови каждого русского человека, стремление к недостижимому и острое ощущение собственной смертности, мечта об «общем деле» и врожденное чувство одиночества, стихийность и рациональность, тоска о богатстве и неумение им распорядиться. Сибирский локус в зримо-телесной форме выражает процесс самопознания русского героя и русского писателя, поиск согласия с собственным «я» и согласия с землей. Если личностное (развернутое во времени) движение к такому согласию недостижимо, то в национальном пространстве оно решается с помощью медиации. Сибирь — это место, где можно осуществить последовательный переход от жестких противоречий к более мягким формам и в итоге сделать зримым событие будущего воскрешения. Мамин порождает мифопоэтику «памяти места» (музей истории) и, опережая открытия литературы XX в., разрабатывает новую мифопоэтическую «географию» создавая авторское пространство Сибири (авторский миф).

Natalya A. Rogachyova

Doctor of Philological Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: n.a.rogacheva@utmn.ru

Elena N. Ertner

Doctor of Philological Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: e.n.ertner@utmn.ru

MYTHOPOETICS OF THE URALS AND SIBERIA
IN D. N. MAMIN-SIBIRYAK'S NOVEL "WITHOUT A TITLE"

The article considers the poetics of D. N. Mamin-Sibiryak's novel "Without a Title" in folklore-mythological, philosophical, historical-literary, and socio-cultural contexts. The main research subject is the mythopoetic structure of Ural-Siberian locus in comparison with the well-established myths of Siberia in Russian writers and publicists' works of the 19th century. The research determines a dialogical nature of the narrative structure of the novel: "Without a Title" is devoted to the problems of Russian historical path and national self-determination. The images of Ural and Siberia are used as the symbolic expression of the concept of the new man who is formed on the border of his own and others' world, by crossing of the traditional Russian culture and civilizational processes of the late 19th century (the development of science, technology, the capitalization of social life). Mamin creates a new version of the novel genre in which the plot structures of the utopia, fantastic,

travel, socio-psychological novel are rethought. The motifs of Christian and pagan mythology are represented in the artistic description of the characters and Siberian nature, in the development of the key themes of the novel: Russian “expansion” to the east, spontaneous popular colonization of Siberia, its industrial and ontological development, conflict of the American and Siberian geopoetics; family, life and death in character’s existential experience. In the novel “Without a Title” Mamin represents the process of the mythologization (myth), demythologization (destruction of the myth) and remythologization (making of the myth) of the “thinkable” and “thinking” region territory, creates a new author’s myth of Siberia as Russia of the future.

Keywords: *D. N. Mamin-Sibiryak, geopoetics, virtual landscape, myth of Siberia, ontology of the exploration*

REFERENCES

- Abashev V. V. [Mamin-Sibiryak: at the sources of the geo-poetics of the Urals]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2009, no. 1 (22), pp. 51–59. (in Russ.).
- Dergachev I. A. *D. N. Mamin-Sibiryak v literaturnom protsesse 1870–1890-kh gg.* [D. N. Mamin-Sibiryak in the 1870s–1890s Literary Process]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2005. (in Russ.).
- Ertner E. N. [Philosophical origins of the “common cause” concept in D. N. Mamin-Sibiryak’s novel “Without a Title”]. *Russkaya literatura i filosofskaya mysl' XIX–XX vv.* [Russian Literature and Philosophical Thought of the 19th–20th centuries]. Tyumen: Tyumenskiy gos. un-t Publ., 1993, pp. 77–87. (in Russ.).
- Gruzdev A. I. *Mamin-Sibiryak. Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Mamin-Sibiryak. Critical biographical essay]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1958. (in Russ.).
- Kibalnik S. A. [A Metaphor of Freedom or an Allegory of Suicide? “America” in Dostoevsky’s Works]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of two Americas], 2021, no. 11, pp. 8–33. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-8-33 (in Russ.).
- Levi-Strauss K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: EKSMO-press Publ., 2001. (in Russ.).
- Prikazchikova E. E. [Philosophical context and mythological symbolism of D. N. Mamin-Sibiryak’s “Eastern Legends”]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia. Ural State University Journal], 2002, no. 24, pp. 66–86. (in Russ.).
- Prutskov N. I. *Russkaya literatura XIX veka i revolyutsionnaya Rossiya* [Russian literature of the 19th century and revolutionary Russia]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1979. (in Russ.).
- Soboleva L. S. [Elements of Nature in D. N. Mamin-Sibiryak’s Novel Bread]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 2, pp. 52–70. DOI: 10.15826/qr.2015.2.095 (in Russ.).
- Sozina E. K. [Steppe treasures of D. N. Mamin-Sibiryak and A. P. Chekhov]. *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], 2019, no. 11, pp. 213–229. DOI: 10.17223/24099554/11/9 (in Russ.).
- Toporov V. N. [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 227–284. (in Russ.).
- Yakimova L. P. [Archetypical features of ‘Exceptional man’ in D. N. Mamin-Sibiryak’s novel “Without a Title”]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2009, no. 1 (22), pp. 16–22. (in Russ.).
- Yakimova L. P. [The novel “Without a Title”]. *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.* [History of Ural literature. 19th century: in 2 books]. Moscow: UrO RAN; Izdatel'skiy Dom YaSK Publ., 2020, book 2, pp. 1158–1161. (in Russ.).
- Yanushkevich A. S. [Columbus, Franklin and American Democracy in the Space of Russian Culture]. *Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri: Materialy Vseros. nauch. konf. “Amerikanskiy i sibirskiy frontir”, 6–8 fevralya 2001 g.* [American Studies in Siberia: Proceedings of the All-Russian Sci. Conf. “American and Siberian Frontier”, February 6–8, 2001]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2001, iss. 5, pp. 179–193. (in Russ.).
- Zyryanov O. V. [The plot of spiritual and moral transformation in D. N. Mamin-Sibiryak’s stories]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2019, vol. 21, no. 2 (187), pp. 108–121. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.029 (in Russ.).

Для цитирования: Рогачева Н. А., Эртнер Е. Н. Мифопоэтика Урала и Сибири в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Без названия» // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 129–136. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-129-136.

For citation: Rogachyova N. A., Ertner E. N. Mythopoetics of the Urals and Siberia in D. N. Mamin-Sibiryak’s novel “Without a Title” // Ural Historical Journal, 2022, no. 4 (77), pp. 129–136. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-129-136.